

Если бы можно было не улыбаться, то, вероятно, никто бы не улыбался... Разве не яснее ясного то, что всё, что происходит в нашей душе, есть безумный коктейль вероятности всех настроений. Притом нельзя упускать из вида межсезонье, межвременье, а также кризисы — и не только свои, но и чужие.

Утро. Выезд в рейс

Раннее утро. Он у своей «маршрутки» курит, ёжась от ранних заморозков.

— Ни фига наши не умеют играть в футбол. Один выходит и... блин, в никуда.

— А я вчера не смотрел. Провался под этой колымагой целый день. Замёрз, как собака. Счёт-то какой?

— Три — два. В нашу пользу.

— Так чего?

— Всё равно — мудаки!

Он докуривает сигарету. Хлопает дверка, заводится двигатель, и выезжает «маршрутка» со своим водителем в очередной рейс... Он встретит её, он обязательно встретит её.

Это было раньше

Он: Да, мне нужен кондуктор. Но — живой, чтобы всё быстро. Тут только успевай поворачивайся.

Бывший кондуктор (молодая девушка): Я ещё попробую?..

Он: Нет. У меня нет такой возможности... попробовать. Маршрут не ждет.

Бывший кондуктор: Ну, тогда подругу мою посмотрите.

Он: Из какого института?

Бывший кондуктор: Не из какого. Она не учится. Не поступила в театральный.

Он: Ладно. Где её подобрать?

Бывший кондуктор: Она будет вас ждать на Минина в 7-00.

Он (даёт 100 рублей): На, это тебе... За сегодняшний день.

Бывший кондуктор: Спасибо. Может, отметим! Последняя зарплата.

Он: Нет. У меня жена. Давай.

Захлопывается дверка. Заводится двигатель. Маршрутка уезжает. Бывший кондуктор стоит со 100 рублями в руке.

Каждый день, рано утром, очень рано для всех нормальных людей, они выезжают на маршрут. Сегодня — осенний туманный день, день, когда хочется лежать, закутавшись в одеяло и дремать, или лучше сидеть на реке, на рыбалке, пить под брезентовым навесом горячий смородиновый чай или горячий дымящийся кофе и смотреть на медленно плывущую реку.

Красный свет светофора. Жёлтый, зелёный. За светофором в голых кустах патруль ГАИ. Передние дверки «Волги» открыты, от света внутри создаётся иллюзия тепла и уюта. Люди в куртках с люминесцентными полосками о чём-то оживленно беседуют. Он смотрит на них... они на него не смотрят.

Известная дорога по маршруту: космический ландшафт городских окраин, неведомой силой выстроены странные промышленные здания: бетон, серость и довлеющая над всем этим — пустота.

Потом — светящиеся киоски на остановках и около них люди, те, которые ещё не засыпали, или ещё только успев проснуться, спешат к заветным окошечкам «24 часа». Спальные, сонные районы, высотные девятиэтажки, клавиатурой пальцев огрывающихся на неприглядное серое небо. Раннее, раннее утро. Звенит, стукая на стыках, железная рыба города — трамвай. Первые пассажиры, самые странные из всех пассажиров. Трое молодых людей, весёлых и возбужденных, что-то кричащих друг другу, словно они далеко друг от друга. Мятые червонцы и... «билетов не надо». Моложавый мужчина, гладко выбрит, воротничок белой рубашки, аккуратная «десятка», сдача и билет в карман, большая спортивная сумка.

Женщина и мужчина в полный «хлам». Она еле держится, роется в сумочке. Он плюхается на сиденье к окну и засыпает. Она долго возится в сумочке и мотается по салону. Бабушка в вязаной шапочке и с плетёной корзинкой, сильно окрашены волосы и густо накрашены губы.

Серые мешковатые с глупыми лицами милиционеры. Усталые охранники частных агентств. Сосредоточенные женщины. Потом студенты, бурно и буйно прыгающие в двери, занимающие сиденья. И так целый день.

Утро героини

Комната, в которой несколько молодых мужчин и женщин. Живут и спят на полу... Она встаёт, ёжится от холода, смотрит на холодный сумрак за окном, на узор теней от сплетающихся ветвей за окном в свете уличного фонаря. Закуривает. Лицо разглаживается, слегка улыбается. Просыпается молодой человек с артистической бородкой. Он пьян со вчерашнего дня.

Артистическая натура: Ты куда?

Она: В никуда!

Артист. натура: Оставайся с нами. Поедем к Виктору на дачу... деньги есть!

Она: Артисты, с вами скучно!

Одевается, уходит в холодную ванную комнату.

Артистическая натура наливает водки в стакан, трудно пьёт, потом с полсекунды замирает, вздрагивает и падает на кровать с возгласом: о-о-о!!!

Каждый день подъём в 4-00 утра. Очень рано. Каждый день, кроме воскресенья. Она эти же деньги могла заработать и по-другому. И, конечно же, она не мечтала быть кондуктором. Но там есть Он!

Как произошло их знакомство для Неё

Бывшая кондукторша: Алён, ну чё попробуй. Не поедешь же к себе в деревню. Или с Витькой шарахаться по кабакам... Я обещала!!!

Она: Ладно, но я так рано не встану.

Бывшая кондукторша: Я буду тебя будить. Звонить буду!

Она: А ты-то чего стараешься!

Бывшая кондукторша: Надеюсь, что у тебя ещё хуже получится, чем у меня. Тут-то опять я... Мне у них там нравится. Сиденья мягкие и автобус тёплый, голой не замёрзаешь.

Она: Дура ты, Светка. И быть тебе дурой 40 лет, пока не поперхнёшься морковкой.

Бывшая кондукторша: Вот тебе его сотовый. А вот мой. У меня на тебя — последняя надежда!

Первая встреча

Подкатывает новая маршрутка «Пазик», на углу площади Минина, как и договорились. Дверцы открываются, его голос:

— Давай быстрее, прыгай, а то, блин, права отберут.

Она не запрыгивает. Двери закрываются, «маршрутка» срывается с места, свисток «гаишника». Машина подъезжает к обочине, он выскакивает из маршрутки.

Он: Послушай, ты не в театре, а на дороге, здесь быстро надо... что не проснулась.

Бежит счастливый «гаишник». Она оборачивается и обращается к «гаишнику».

Она: Я виновата, товарищ старший лейтенант. Я вас прошу, войдите в положение. Плохо вижу, думала зелёный, а тут красный. Хотела быстрее проскочить, и вот, если бы не водитель... Мама с папой плакали бы уже по мне. Можно я вас поцелую. Я удачливая. Я вас поцелую, и у вас день будет удачный. Правда!!! Я у себя в деревне брата старшего, когда он в город уезжал, всегда целовала. Он всегда попутку поймает или ещё чего, в общем, до города всегда легко добирался.

Целует.

Лейтенант: Девушка, я просто лейтенант. Носов Владимир... А вы из какой деревни?

Она: Новостроево. Приезжайте к нам на лето. У нас места грибные.

Она побежала на остановку, быстро поднялась на ступеньку подъехавшей маршрутки № 141 и уехала, оставив двух мужчин.

Вечер на квартире у Него

Вечер на квартире у него. Жена Эля с маленьким ребёнком на руках. Он ест суп.

Эля: Врач сказал, что надо пройти обследование. И во вторник и четверг массаж. Потом пройти курс... Ты слушаешь меня?..

Он: Да! Я всё понял.

Эля: Твоя работа уже знаешь где? Она уже везде! Она уже в каждой ложке супа, который ты ешь! Она уже в каждой твоей вещи, которую я стираю! Я уже тоже часть механизма твоей машины. Меня этот запах достал, я не могу стирать детские вещи в ванне.

Он: Я все понял (бросает есть, уходит на площадку курить).

Курит. В маленькие бойницы лестничных окон пробивается слабый вечерний свет. В доме слышно, как хлопают двери, гремят кастрюли,

ругаются, гудит лифт и ещё бесконечное количество ненужных чужих звуков. Мир переполнен звуками, запахами, человеками, и время «тихих Ангелов» глубокой ночью и то только тогда, когда не идёт дождь и не падает снег! Увы!!!

Эля выглядывает из-за двери.

Эля: Иди, остынет.

Смотрит на него, он смотрит в окно, тушит сигарету о стенку банки из-под кофе «Blakman». Проходит на кухню. Эля идет с ребёнком за ним.

Эля: Ну, вот Ваня и папа. Вот он, папка, посмотри на него...

Он: Иди ко мне...

Берёт малыша на руки, улыбается. Малыш весело прыгает. Эля смотрит на них...

Переговорный пункт города

Она: Девушка, ой, простите... пожалуйста, две минуты...

Диспетчер: Минимальное количество — три минуты.

Она: Ну, а мне надо две.

Диспетчер: Сотовый телефон покупайте!

Она: У меня на него денег нет.

Диспетчер: Тогда пишите письма.

Она: Спасибо вам за совет. Десять минут!

Собирает последние деньги, переписывает бланк заказа.

Мужчина молодой: Пять минут до Павлова. Скажите, вы всегда такая весёлая или...

Она: Или! (Не находит нужных денег). Извините, я не буду звонить, их всё равно нет дома. (Обращаясь к очереди). Всем пока!

Она выскакивает с переговорного пункта. На улице декабрь образца 2003 года: и снег, и дождь, и лужи, и зима, и поздняя осень, и ранняя весна. Частные извозчики жмутся к своим машинам.

Частный извозчик: Куда?

Она: (показывает рукой в сторону). Туда!

Частный извозчик: Без вопросов! Садитесь!

Она садится в голубую «девятку» на заднее сиденье. Водитель поворачивается к ней с самодовольной улыбкой.

Она: Значит, 30 минут по городу, и на меня не смотреть.

Частный извозчик: Как скажете!

Машина трогается с места и, круто развернувшись, проскачивает на уже мигающий зелёный свет. Она тихо плачет.

Двоє мужчин, оставленных героиней

Лейтенант ГАИ: Ну что будем делать?

Он: Сколько?

Лейтенант ГАИ: Стольник по-родственному!

Он: А полтинник по-брратски!

Лейтенант ГАИ: Ладно. По-мужски: телефончик этой девушки, и расходимся, как добрые друзья.

Он: А хо-хо не ху-ху. Она моя невеста!

Лейтенант ГАИ: Не надо врать, товарищ водитель. Вы женаты, у вас сын, около одного года. Жену зовут ...

Он: Как?

Лейтенант ГАИ: Какая разница! Ваши права, товарищ!

Он даёт 100 рублей.

Лейтенант ГАИ: Не надо. Ну, если честно — нет её телефончика?

Он: Нет. Мне её в новые кондукторы навязали. Познакомиться не успел.

Лейтенант ГАИ: Жалко. Хорошая девушка! Езжай, пока не передумал... А всё же вдруг узнаешь? Не в службу, а в дружбу. Я здесь каждый понедельник. Сообщи?!

Он внимательно на него смотрит.
Лейтенант ГАИ: Пол-литра с меня!
Он: Хорошо, товарищ-щ-щ!!!

Вернуться к жизни — большое искусство. Включиться — это не нажать кнопку ON после кнопки OFF. Вероятность того, что нужная тебе «маршрутка» только что уехала, всегда больше, чем то, что она вот-вот подъедет, когда ты её так сильно ждёшь.

Падал большой, какой-то не причёсанный там, на небе, мохнатый снег. Он ложился на гладь озера в парке. На скамейке у озера сидел он, Эля, рядом синяя коляска на мягком ходу. Он пил пиво и глядел на падающий снег. Она следила за его взглядом. На том конце озера, в шашлычной играла бодрая музыка: тянуло запахом жареного мяса и уксуса с луком. Человек-азиат танцевал зажигательный танец с выходом, с приседанием на одну коленку и странным вращением кистей рук.

Эля: Весной надо съездить к маме. Она спрашивает, мы будем копать под картошку усад или нет. В этом году даже не всю картошку продали. Цены по три рубля за килограмм. Капусту вообще даром отдали, да и к новому году надо помочь зарезать телёнка.

Он слушает, но на самом деле вспоминает тот загадочно-праздничный день.

Первая встреча

Она плачет, они мчатся с частным извозчиком по городу.

Частный извозчик: Куда прёшь! (Сигналит все сильнее, ударяя по звуковому сигналу.) Блин! Борзота не местная! Колёса потные!

Он на маршрутке. На одной из остановок влезает пьяный, но не сильно агрессивный.

Он: Передаём за проезд!

Пьяный: Счас шеф... Включи погромче... На!

Он: У нас шесть рублей!

Пьяный: Почему?

Он: Потому что. Давай живее ещё рубль!

Пьяный: Да ладно, шеф, билет не надо.

Он: Будем платить!

Пьяный: Чё, крутой? Бери сколько дают.

Красный свет светофора. «Маршрутка» останавливается; открывается входная дверь; он перелазит в салон; берёт за шиворот пьяного; тот начинает сопротивляться.

Женщина в годах: Да оставьте вы его, пьяный, что вам, рубля жалко?

Другая женщина: Да они оборзели, на вино хватает! Правильно, товарищ водитель!

Он выволакивает пьяного пассажира на улицу. В это время светофор переключается на «зелёный» свет. В хвосте «маршрутки» гудят автомобили.

Он: Ну что! Рубля жалко!

Пьяный: Да ладно, чё... так психовать.

Он: Заколебали потому что!

Пьяный: Я заплачу, хочешь, больше дам. Ну, правда, я ведь сам водила.

Он: А чё же ты тогда ё....

Пьяный что-то объясняет ему про то, что разбил машину, про то, что на ремонте, что денег потому нет ни фига, что завидно даже на тех, у кого такой хороший «мотор», и прочее.

Но в это время из второй машины, которая стоит в хвосте «маршрутки», из синей «девятки» высекакивает она и бежит к нему; за ней выбегает частный извозчик.

Частный извозчик: Девушка, блин, деньги!!!

Она подбегает к нему. Пьяный, понурив голову, что-то тихо бормочет. Она смотрит на него. Он смотрит на неё.

Он: Вы решили?

Она: Да!

Частный извозчик: Девушка ... Из любви к вашему нежному возрасту — сто рублей.

Он отдаёт ему деньги. Они впрыгивают в «маршрутку». Пьяный глупо моргает своими большими карими глазами. Он возвращается, втаскивает его в салон машины, быстро заводит двигатель, и «маршрутка» еле-еле успевает проскочить на уже переключающийся с «зелёного» на «красный» свет. Она садится на место кондуктора и улыбается всем.

Она: Здравствуйте, люди!

Пьяный: (в недоумении) ?????!!!!

Частный извозчик подходит к своей машине, около неё двое крепко сложенных в кожаных куртках и наголо обритых молодых ребят, сзади его синей девятки стоит джип; он без разговоров отдаёт деньги, которые ему заплатил Он за Неё, молодые бритые ребята недоуменно пожимают плечами.

Частный извозчик: Надо шустрее рулем крутить. А не распальцовывать на барабанах.

Молодой человек в кожаной куртке: Я не понял?!

«Синяя девятка» срывается с места, лихо развернувшись на встречной полосе.

Частный извозчик: И не поймешь, урод!

Вечер первой встречи

«Маршрутка» с нашими героями возвращается в гараж. Рабочий день окончен. Ночной город: безлунный, беззвёздный — такой светло-жёлтый от уличных фонарей, такой бесконечно одинокий и неуютный, как «марсианский» город.

На капоте шампанское, водка, букет роз, торт, маслины, лимон, сыр, майонез — всё, что необходимо для праздника. Она смотрит на него, он смотрит на этот город. На последнем сиденье отсыпается, уткнувшись лицом в стекло, тот самый пьяный водитель-пассажир.

Ночь. Уже ночь. Люди разбредутся по кроватям, по диванам; люди лягут вместе или порознь. Соединятся руками, переплетутся ногами, накроются телами, а может, и нет. А может быть, и не будет вообще ничего, кроме одной бархатной мглы, укладывающейся на стонущие ноги бегущей во Вселенной Земли.

После...

Бывшая кондукторша: Легла, легла, актриса фиговая... фиговая!

Тебе же не нравится рано вставать? Ты же не любишь ездить на автобусах. А сама в первый же день легла... (Трясёт сотовым телефоном).

Вечером в гараже. Сторож подходит к «маршрутке» в которой горит свет. Лают собаки.

Сторож: Тук-тук-тук. Заканчиваем праздник. Мне собак надо выпускать. И начальник звонил, спрашивал, мол, все ушли.

Он: Дядя Вить, заходи. Праздник у нас сегодня, понимаешь? Настоящий. Это тебе не новый год! А такой, какой бывает раз в жизни.

Сторож: Понимаю ребятки. Понимаю. Я и сам молодым был. Но порядок. Да и то, у вас праздник, а у меня наказник.

Он: Мы тихо, дядь Вить! Ты же знаешь, я когда-нибудь оставался в гараже, гулял?

Она: Мы тихонечко, пожалуйста?.. А хотите, мы за вас подежурим?!

В сторожке слышно, как зазвонил телефон. Залаяли собаки и засиг-

налила подъехавшая машина.

Он: ???

Она: Пожалуйста, мы же тихо!

Сторож: Ладно. Только двери плотнее закрывайте. Джек — дурак!.. Иду! Иду! Ишь, как сигналит, словно у райских врат. Иду! Раствори вас в осень.

Я не представляю, где и как в автобусе можно заниматься любовью, но наверняка для двух страстно любящих сердец это не проблема. Сколько есть мест, которые кажутся ну никак не приспособленными к этому. И знаю, что всё равно есть страстные, которые и этот неудобный уголок земли обратили в любовное ложе. Для настоящей любви нет неудобных мест... Почему — спросит читатель, автор не соединил своих героев в каком-нибудь романтическом месте? Даю вам слово, что не от недостатка воображения. Один мой знакомый рассказывал, что занимался любовью (и тоже не с женой) на рояле. И как гудел этот огромный белый зверь, когда любовники подошли к этому сладкому мгновению.

Я знаю, я точно знаю, что и эта бездушная, железная машина вибрировала своими внутренностями и пела железной кожей своих частей.

А в луче прожектора две большие чёрные овчарки, затаив дыхание, охраняли это — не звериное.

Бывшая кондукторша в этот вечер набирала ЕГО номер. «Сотовый» звенел, а они целовали друг друга. «Сотовый» звенел и звенел, и поэтому Он, не отрываясь от поцелуя, искал рукой этот телефоно-глаз, присматривающий всегда за нами. Было слишком нежно, чтобы его найти.

Бывшая кондукторша кусала ногти и ждала ответа.

А они вслушивались в дыхание друг друга. Она случайно легла на телефон, «сотовый» включился, и бывшая кондукторша услышала ответ.

Это встревожено-высвобождающееся дыхание сладости и муки.

Бывшая кондукторша отпрянула от этой чёртовой коробочки, но потом, наоборот, жадно прильнула. Но на том конце пространства, где были Он и Она, продолжалась сладкая борьба. Телефон соскользнул вниз, ударился об пол. Бывшая кондукторша зажмурила глаза, а потом услышала ровный шум теплонасоса.

Маленький человечек тихо спал, за окном была негромкая ночь. Женщина в слабом свете ночника набирала один и тот же номер, который был занят...

После...

Бывшая кондукторша продолжала размахивать «сотовым» телефоном: «Я всё, всё слышала. Как ты дышала. Как ты дышала и стонала. Вот что надо было читать на вступительных экзаменах...»

Бывшая кондукторша заплакала и пошла от неё, обметая свои колени полами шубы.

Она: Света! Света!.. Прости!

Света махнула безнадёжно рукой с «сотовым» телефоном.

Разговор перед первым расставанием на 3-и дня

Она: Не спеши, побудь сколько надо! Я тоже не на день. Дня три—четыре надо побывать.

Он курит и молчит.

Она: Давай посмотрим, так ли мы всё делали... (Улыбаясь). Может, что-нибудь, где-нибудь и не так? А?

Он: Я люблю тебя!

Она: Я тоже, водитель мой!

Он: Хорошо! Давай... К тому же отцу дачу подломали, а он сам не в силах, хорошо, до...

Она: До 10 января. С наступающим Рождеством, любимый! Это тебе.

Он: А это тебе! Не опаздывай, как обычно, в 5-30 на углу! 10 января.

Я люблю тебя.

Она: Я тоже люблю тебя!

Отец

Он со своим отцом в саду; в холодном замерзшем саду; устраивают сломанную дверь.

Отец: Руки и ноги бы вырвать и местами поменять, гадёныши!

Он: Надо не закрывать; или так, формально; а если новую железную поставить, спалят весь дом.

Отец: Вот, довели народ! Раньше хоть и при коммунистах, и без попов, а воровство за грех принимали! А сейчас! Тыфу!

Нет удивительней и прекрасней места, чем зимний сад; это не мёртвое безмолвие, это затаившееся затишье жизни. Спящая красавица!

Отец: Вон смотри, снегири! Ой, до чего-же красивая птица... Ну, сделай дело — выпей смело! Давай под огурчик, с сальцем! Прямо здесь, на столе, на снегу — выпить. Смерть! (Наливают). Ну, за дверь — чтоб стояла!

Он: Что это у тебя за водка, прошлого века, что ли?

Отец: Заначка с твоей свадьбы. Мать спрятала, я нашёл. Я тут на днях перебирал старые вещи, чтоб сюда это барахло снести. Так вот сунул руку в грудной карман своего старого пиджака, а там у меня четыре «четвертных», сто рублёв, по самым старым, до перестройки этой хреновой. Так вот, смекаешь — 100 рублей по тем временам заначка знатная... Вот так и по жизни, может, чё когда ценное, нужное запрятал, а потом вспомнил, ссыпал. А это-то уже и не годится, и не нужно!

Он: Давай, бать, по второй, и домой. А то холодно. «Шо-то я змерз». Ну, за Рождество!

Отец: Да, чудно! За все пьём: за конституцию, за рождество, за 8 марта, за день пограничников. Вот чё время-то настало — водки!

Он: Пошли!

Отец: Погоди, дай еще посмотрю... Ты мать слушайся, если чего со мной, помогай.

Он: Отец, да ладно...

Отец: Слушай, слушай... Я на тебя все написал...

Он: Отец!?

Отец: Тихо! Сестру не забывай, сам держись. Как у тебя с Элькой дела?

Он: Нормально!

Отец: Броде она ничего у тебя. А малой хорошенъкий, продолжит наш род, а то у Игоря одни девки! Ладно, пошли.

Отец оглядел спокойным внимательным взглядом сад, дом, вздохнул и пошёл, опираясь на лыжную палку, по узенькой в один след протоптанной дорожке среди сугробов. Над ним пролетела стая снегирей и опустилась на ближней сливе. Отец снял большие варежки, засунул руку в карман, собрал крошки, что там были, сдул мусор и бросил крошки на снег. Потом надел варежку и пошёл, аккуратно пробираясь меж сугробов.

Мать: Алена приехала, радость моя, милая моя, слава богу, дождалась! Ну, раздевайся, раздевайся!!! Сейчас я тебя покормлю. Молочка может?

Она: Спасибо. Я не голодная.

Мать: Ну, проходи, проходи... Повзросла...

Она: А где отец? Варя?

Мать: Отец у Печенеговых. У них там трубу прорвало. А Варька бегает где-то...

Она: Как у вас тут, как здоровье?

Мать: Подруга твоя, Маша, замуж выскочила: «невеста-то с приданым»; никак нынче молодежь не дождётся, чтобы всё по закону, как надо... А теперь и венчаться надумала. Всё прибегала и спрашивала, приедешь али нет... если б я знала... Григорьев умер. А Пашка Голубев все руки отморозил. Под Новый год поросёнка зарезали, продали, он с радости... да вот она радость-то как обернулась... Ну проходи, проходи...

Она: Здоровье-то как?

Мать: Нормально! Живем! Мы же тут все вместе, нам легче. Ты-то как? Работаешь?

Она: Работаю.

Мать: Где?

Она: В школе, лаборантом по химии.

Мать: А живёшь где?

Она: В общежитии, у нас там хорошая компания...

Нет ничего светлее того чувства, когда приезжаешь к старым родителям. Раньше, намного раньше, когда мы были безнадежно молодыми, нас радовал НАШ приезд; приезд меня — горячо любимого. А теперь, когда родители стали старенькими, нельзя врваться, как ветер, нужно входить мягким тёплым ветерком, потому что важен ПРИЕЗД К НИМ — испуганный трепет птичьего сердечка, возвращающегося весной в свой такой новый и незнакомый старый сад.

Удивительное дело венчание. Неверующие наши сердца всё равно стремятся под эти арочные своды, пред лица тёмных от времени икон. Почему? А потому, что в глубине меня всегда над золотым крестом синее нежное небо и голуби над золотым крестом. Почему так стройны свечи, как и колоколенки. И есть удивительная уютность пространства, где расположены наши церкви.

Утро было морозное, свежее, тело лёгкое, как после хорошего сна. Во дворе гудела старенькая «копейка».

Парень со стороны жениха (вбегая в дом): Здравствуйте, баба Кать. А Алёнка проснулась. А то вчера договорились на 12 часов, а сегодня я поутру сгонял, оказывается, записано на 11 утра, так что надо быстрее... Батюшка Алексей у нас «строгай, но справедливый».

Алёна: Сейчас, я почти готова!

Мама: Вы там с Серёгой аккуратнее, скользко, дорога плохая. Да и много не пейте.

Парень со стороны жениха: Да вы что, баб Кать, мы же не пьём.

Мама: Свобода то вам сегодня какая — венчание...

Отец: Ладно, мать. Выпить сегодня не грех. Это можно, но аккуратно.

Варя: Алён! Алён! Возьми меня с собой!

Алёна: Ну, как я возьму тебя с собой? Где ты в машине сядешь? Машина не резиновая.

Варя: А я пешком дойду!

Алёна: Варька!

Варя: Чего?

Жених сел в машину, хлопнув дверкой.

Парень о стороны жениха: Маша... Маша... после, после... в такой день нельзя...

Жених открыл дверку машины, что-то хотел сказать, но потом вышел из машины. Взял невесту за руку, она посмотрела сердито, но потом улыбнулась и пошла к «копейке».

Невеста: И куда я сяду! Вы бы ещё Дружка захватили.

Алёна: Машка, не выёживайся. Варя сядет ко мне на колени. А ну садись. Блин, матом бы не ругаться!

Захлопнулись все дверцы. Машина тронулась. С порога избы махали мать и отец жениха. Брат разливал бутылку, невестка кричала про то, как надо себя вести. Дядя Коля грустно улыбался. Машина разверну-

лась, засигналила. Шоффёр Андрей включил музыку.

Синее море, только чайки за кормой.

Синее море, и далёк наш путь домой.

Там за туманами, горькими, вечными, пьяными,

Там за туманами берег наш родной...

Невеста: Выпьем водки!

Жених: Не дури, в церковь едем!

Невеста: Да! А что не пустят?! Я хочу!

Она: Давайте! А то что-то холодновато.

Варя: И я буду. Надо же, надо всё узнать!

Она: Сейчас кто-то куда-то пойдет пешком. Андрей, притормози.

Варя: Дядя Андрей, жмите. Я всё, молчу, мумия.

Парень со стороны жениха: А чё, маленько можно, праздник ведь...

В едущей машине разлили по маленькой, выпили, закусили, немного помолчали, погрустили, но потом засмеялись и подпели Коле Расторгueva, проникновенно и хором.

Там за туманами, вечными, пьяными,

Там за туманами любят нас и ждут!!!

Алёна: Не вздумай, получишь!

Варя: Мам, можно мне с ними. Надо присматриваться, нравы изучать.

Мать: Лучше бы уроки изучала. Ишь как вас туда тянет...

Варя: А я всё равно пойду!!!

Парень со стороны жениха: Алён, давай возьмём Варю. Она у вас худенькая. Уместимся!

Варя: Алён! Алён, Алён, ну, Алён! Будь человеком, не будь упрямым ослом. Алён! Алён...

Алёна: Отстань! Ты же всё равно не успеешь собраться.

Отец: Она то не успеет. Плохо вы её знаете.

Варя, как молния, исчезает в комнате сестры.

— Ты что, ополоумела?

— Не мешайся!

— Ну, коза!

— Распрягайте хлопцы коней... А я выйду в сад-садочек...

Алёна: Поехали!

Варя (вслед за ней): Алёна, я уже почти готова!

Она: Ладно! А то и вправду по сугробам, как конь, поскакашь.

Варя: Сеструха, я тебя люблю! Правда-правдочка!

Она: Ну, пока! К вечеру ждите. А Варьку сразу после венчания. Варя: Так точно, товарищ старший научный лаборант.

Парень со стороны жениха: Ну, пойдемте. А то не успеем. До свидания, баба Катя, дядя Ваня. Вернём в целости и сохранности.

Мама: Да уж постараитесь.

Дверь в сени захлопнулась. Быстрый весёлый разговор молодёжи рассыпался в сенях, потом на крыльце. Залаял Дружок, потом заскулил, заластился. Потом снова залаял. Мать и отец стояли посреди вдруг опустевшей избы с влажными от слёз глазами...

У Него

Стол к Рождеству собирали скоро. Так как-то у нас получается, что Новый год — праздник, а Рождество — похмелье! Мама пекла пироги. К пирогам доставались солёности: помидоры, огурчики, квашеная капуста, аджика по-среднерусски по собственному рецепту, овощное ассорти с крупными кольцами лука. Мужчины ставили стол, ставили в холодильник водку, пиво, открывали банки. Жена Владимира — Эля «строгала» салат. Ждали в гости сестру с мужем и младшего брата с его девушкиной. Звонок.

Он: А, привет, привет!

Сестра: Приветик! С Рождеством!

Мама: Не успеваю, старая стала. Вот и не спорится дело-то. С Рождеством всех!

Он: Проходите.

Отец: Младший-то не звонил, убежал с утра, а куда не сказал. С Рождеством!

Он: Ну, давайте ваши новые дублёнки.

Муж сестры: Ёлки! На улице морозец!

Отец: На Рождество всегда прихватывает.

Разговаривая о том о сём, проходили по комнатам стандартной квартиры. Я всегда удивляюсь, как преображается стандартная обстановка наших малолитражных квартир, когда праздник и когда гости. Какой свет в этих простых комнатах с одним окном и с двумя коврами: один на полу, другой на стене, со стенкой и зеркалом.

Какой покой переживает душа. А застолье, как костёр, то вспыхивает, то затихает, то пламенеет общей песней, то тлеет неспешным закусыванием.

Мама: Вот и пироги с картошкой!

Он: Ну, под картошечку по маленькой.

Сестра: А этот карапуз-предводитель клана, будет есть пирог с картошкой?

Раздаётся звонок во входную дверь.

Муж сестры: Не бойтесь, не гости!

Эля: Ванечка, Ванечка... смотри, какой костюмчик. Ну-ка примерь. Он у нас любит наряжаться.

Мама: Положите ему капустки, чтоб аппетит был.

Младший брат: Поздравляю всех с Рождеством. А то бишь с Днем Рождения! Это нам всем.

Мама: Вот так да!

Сестра: Ну ты, Санёк, даёшь!

Огромный-преогромный букет роз, живых, жадно дышащих и смотрящих на вас своими топлёно-молочными глазищами.

После венчания, где-то в поле

Она: Ну, что же, ребята, как говорит баба Клава. Живите миром. Оно, конечно, каждому хочется, чтобы всё по его было. Да так не бывает... Долго ведь друг друга ждали. Так чего же теперь? А сегодня ещё праздник какой! Ну, давайте!

Где-то в поле, в заснеженном поле, на капоте машины не хитрая, но такая волшебная закуска: солёные огурцы, сало. Хлеб, колбаса, самогонка и «Шампанское»...

Солнечно и ветрено. Вдалеке светятся огнем крест и купола церкви, в которой только что было венчание. Молодые, смеющиеся, улыбающиеся лица.

Варя: Со счастьем! Чтобы детки, чтоб машина.

Она: Варька!

Варя: А что? Так и надо, так семья крепче.

Парень со стороны жениха: А ты откуда всё знаешь?

Варя: Я третью жизнь живу и в прошлой была отцом семейства в Бразилии.

Все хором: Где много, много диких обезьян!

Варя: Да, и по-обезьянни могу разговаривать. Нас там в школе этому учили: у-у-у!!!

Невеста: у-у-у! Это что значит?

Варя: Шампанского хочу!

Жених: Алёна! Это Варька у вас в кого такая пьяница.

Алёна: В меня! Мы на жизнь пьяные. Да, сеструха? Наливайте, а то

уйдём.

Жених: Ты меня любишь?

Невеста: Люблю, дурак рыжий!

Жених: Рыжий и бесстыжий!

Невеста: Давай, что ли, поцелуемся!

Жених: Давай!!!

Водитель растянул гармонь. Все дружно выпили и заплясали. Она достала сотовый телефон из сумочки, набрала его номер.

Застолье

Он: Давайте выпьем за нашу мамулю, за пироги и за ваше, родители, здоровье. Живите долго. А мы постараемся вас не огорчать...

Мама: Мы с отцом за вас выпьем. Детки наши дорогие. Сердце наше радуется, видя вас всех вместе. Приезжайте, не забывайте нас...

Младший брат: А я и не уезжал... мы с Натальей с вами жить будем. Будем детей рожать, а вы их воспитывать, да пирогами кормить.

Сестра: За вас!

Эля: Здоровья!

Отец: Живите вместе дружно. Ну, давайте! Ладно, мать, плакать-то.

Мама: Я от радости.

Отец: Ну, давайте, дети!

У Него зазвонил «сотовый».

Младший брат: На время тостов и застолий «сотовые» отключить!

Он (выпивает и включает «сотовый» телефон): Да! Аллё!

Она: Аллё!!!